

В час ночи Фу Яочжэн упёрся: ему срочно потребовалось ехать на самую окраину, в посёлок Цзие.

— До Цзие сорок километров от центра! Ты с ума сошёл — мчаться туда посреди ночи?!

Яо Цин крепко сжимала в кулаке ключи от машины, а дворецкий грудью перекрыл дверной проём, не давая молодому господину уступить ночному порыву.

— Мама, отдай ключи! Мне нужно увидеть одного человека. Это жизненно важно!

— Насколько важно?

— Важнее моей собственной жизни!

Яо Цин опешила. В глазах сына блеснули слёзы. Она ума не могла приложить, с чего вдруг после обычного сна у него произошёл такой дикий эмоциональный срыв.

Неподалёку всё ещё гремели и переливались огнями новогодние фейерверки — праздник шёл вовсю. Подобная ссора совсем не вязилась с атмосферой такой ночи.

— Я не отпущу тебя за руль ночью, — попыталась воззвать к разуму Яо Цин, зная, что со строптивым сыном лучше действовать убеждением. — Если так горит, завтра утром я пришлю водителя. К тому же вспомни, что говорили по телефону: нужны документы! Они у тебя есть? Без них тебя даже за ворота не пустят. Глупый мой, в государственные учреждения напролом не ломаться.

Заметив, что он колебался, она добавила мягче:

— К тому же человек твоих грёз никуда не сбежит. Не испарится же он за ночь, словно мыльный пузырь?

— Я... я как раз этого и боюсь! — голос Фу Яочжэна дрогнул. — Боюсь, что он исчезнет... Правда боюсь.

Вся аффективная взвинченность мгновенно сошла с него, уступив место беспросветному бессилию. Не подхвати его дворецкий, Яочжэн рухнул бы прямо на пол. Сжав лицо ладонями, он горько, безудержно зарыдал — так, словно тот человек и впрямь уже растаял без следа.

Яо Цин перепугалась: сын выглядел так, будто перенёс сокрушительный удар. Сгорая от тревоги, она велела дворецкому уложить Яочжэна в постель. Ночью же, не откладывая, отдала распоряжение навести справки о Сяо Найюе и подготовить весь пакет документов для приюта.

К утру всё было готово, вот только попасть в Цзие у Фу Яочжэна всё равно не вышло.

После той роковой ночи его сразила жесточайшая лихорадка. Целую неделю он метался в бреду, не в силах даже подняться. А когда температура наконец спала, от него осталась едва ли половина.

Проведя в постели семь дней, Яочжэн шаг за шагом восстановил картину происходящего.

В этом времени и Сяо Найюй, и Линь Чишу всё ещё живы.

Ни одна трагедия ещё не успела произойти.

Судьба преподнесла ему драгоценный шанс — исправить неисправимое.

И неважно, реальность это или лишь призрачный сон: он ухватится за эту возможность, изменит ход вещей и вырвет свою судьбу из лап кошмарного прошлого.

Едва оправившись от болезни, Фу Яочжэн — с тёмными кругами под глазами и осунувшимся лицом — наспех проглотил пару ложек завтрака и порывался выскочить из дома. Яо Цин, прекрасно понимая, куда он рвётся, собралась ехать с ним.

Однако Яочжэн помнил: в прошлой жизни все беды начались именно с того, что мать привела Сяо И к нему. В этой жизни он поклялся подарить Найюю спокойствие и счастье, не допустив прежних ошибок.

Потому отрезал он решительно.

Яо Цин недоумевала:

— Ты даже взглянуть на него мне не разрешишь?

— Мама, не вмешивайся, — твёрдо отозвался сын. — Не волнуйся, со мной поедет Цзян Мин.

Цзян Мин учился с Фу Яочжэном в одном университете, жил с ним в одной комнате и был на год старше. Если уж вдаваться в подробности, семьи Фу и Цзян даже состоят в дальнем родстве.

Яо Цин знала, что на Цзян Мина можно положиться. Видя непреклонность сына, она больше не настаивала. Передав ему пухлый конверт с готовыми документами на опеку, мать с глубокой нежностью произнесла:

— Ты впервые в жизни так отчаянно хочешь кого-то защитить. И кем бы ни был этот ребёнок, я всегда на твоей стороне.

— Спасибо... Спасибо, мама.

Прижав к груди папку, Яочжэн сел в машину.

Прежде чем взять курс на Цзие, они заехали в Университет Z за Цзян Мином.

Очутившись в салоне, тот первым делом снял свои стильные очки без диоптрий в чёрной оправе, открыв точёные, выразительные черты лица. Окинув взглядом друга, изрядно осунувшегося за какую-то неделю, Цзян Мин с тревогой спросил:

— Что с тобой стряслось? На тебе же лица нет.

Фу Яочжэн оглядел приятеля — тот выглядел «помолодевшим» лет на десять, но оставался всё таким же не по годам рассудительным, — и едва заметно усмехнулся:

— Переболел... Зато мозги встали на место.

Он протянул папку Цзян Мину. Тот бегло пролистал бумаги и замер на странице с личными данными.

— И этого мальчишку ты просишь меня усыновить?

— Да. Его зовут Сяо Найюй, — Яочжэн ласково взгляделся в фотографию. С карточки смотрел совсем ещё ребёнок с нежными детскими щёчками и мягкими чертами лица. По-настоящему красивым его назвать было пока нельзя, но от него веяло трогательной, чистой миловидностью. — Все документы готовы. Тебе нужно только оформить опеку и забрать его из приюта. Я уже перевёл его в хорошую школу и купил квартиру в центре, прямо рядом с учебным заведением. Нанял двух сиделок и диетолога, так что тебе не придётся о нём заботиться. Достаточно раз в неделю звонить и передавать от моего имени привет.

Цзян Мин искренне изумился:

— Если ты продумал всё до мельчайших деталей, почему сам не появишься перед ним?

Лицо Фу Яочжэна мгновенно побледнело. На губах повисла горькая ухмылка:

— Он... не захочет меня видеть. И не говори ему, кто стоит за опекой на самом деле.

— А если спросит?

— Скажи... что опекун ты. Пусть считает тебя своим благодетелем, — Яочжэн нахмурился; каждое слово давалось ему с трудом.

В глубине души кололо страхом: Цзян Мин слишком хорош. Если он предстанет перед Сяо И в образе спасителя, нетрудно догадаться, к чему всё может привести. От этой мысли всё сжималось внутри. Но именно из-за надёжности Цзян Мина Яочжэн и доверял ему судьбу Найюя.

Он презирал себя за эту слабость. Трагедия прежней жизни Сяо Найюя случилась лишь потому, что тот полюбил его. Если в этот раз мальчик ответит чувством кому-то достойному, разве не удастся без труда миновать весь этот кошмар?

Какая соблазнительная, прямая дорога к спасению... дорога к исходу, о котором он так молил!

Но стоило Фу Яочжэну вообразить подобное, как сердце захлестнула нестерпимая, едкая горечь — словно туда капнули соком свежерезанного лимона.

Какая же он эгоистичная, противоречивая тварь...

Словно проникая в его сомнения, Цзян Мин покачал головой:

— Сохранить тайну я могу, но врать не стану. Ты вывернулся наизнанку ради него, а я лишь посредник. Благодарить он должен тебя, а не меня. Давай поступим так: если спросит, я скажу, что меня попросил о помощи некий Мистер Ф. Идёт?

Яочжэн поднял глаза. Цзян Мин терпеливо ждал ответа.

Это был идеальный компромисс. Едкая лимонная горечь, жгучая грудь Яочжэна, немного утихла.

Опустив взгляд, он тихо произнёс:

— Хорошо. Так и скажи.

Спустя два часа роскошный внедорожник, чужеродным пятном выделявшийся на фоне нищего пейзажа, затормозил перед Приютом посёлка Цзие.

Директор с самого утра поджидал у ворот. Едва Цзян Мин ступил на землю, мужчина устремился навстречу, совершенно не обращая внимания на то, что скромный наряд юноши

мало гармонировал с машиной за несколько миллионов.

— Директор Фан? Здравствуйте.

— Здравствуйте-здравствуйте! Вы господин Цзян?

— Э-э... да, — двадцатилетний Цзян Мин пока смущался таких почтенных обращений.

— Какая статность, какой видный молодой человек!

Памятуя о графе «Активы» в документах, где чёрным по белому значилось «Все предприятия корпорации Фухэ», директор был готов выражать гостю глубочайшее почтение без всяких условий.

«Это всё богатства семьи Фу, я тут при чём? — неловко подумал Мин. — Моя игровая фирма только-только встаёт на ноги».

Оформив Фу Яочжэн опеку на своё имя, пресса мгновенно раздула бы сенсацию, а лишний шум ему был ни к чему. Поэтому документы подкорректировали: формально опекуном выступал Цзян Мин, но финансовые гарантии давала Корпорация Фухэ. Хитрая подмена выглядела абсолютно легально.

Так что странность — почему владелец активов Фуши носит фамилию Цзян — директора ничуть не смутила.

Цзян Мин вежливо улыбнулся:

— Вы мне льстите, директор. Проводите меня к Сяо И.

Лишь когда они исчезли в здании, Фу Яочжэн решился выйти из машины. Он не смел переступить порог приюта и лишь вглядывался внутрь сквозь железную ограду.

Посёлочный приют выглядел удручающе бедным: всего две трёхэтажные бетонки без намёка на облицовку.

Яочжэн впервые своими глазами увидел, в каких условиях рос Сяо Найюй. Выходцы из таких мест неизбежно несут в себе застенчивость и болезненную ранимость.

И лишь теперь Яочжэн осознал, откуда в прошлый раз во взгляде Найюя проскользнула эта забитая, робкая робость.

Директор провёл Цзян Мина по коридору и остановился у скромного кабинета.

Ещё с порога Мин заметил тринадцатилетнего мальчугана, робко сидевшего на стуле. Увидев входящих, тот сразу вскочил и вежливо поздоровался:

— Здравствуйте, директор...

Мальчик поджал губы и снизу вверх уставился на Цзян Мина большими чистыми глазами.

Мина одолела волна невольной нежности. Погладив ребёнка по голове, он мягко улыбнулся:

— Меня зовут Цзян Мин. Можешь звать меня братом.

—...Здравствуй, брат Мин, — мальчик немного отмяк и смелее представился: — А я Сяо Найюй. «И» — как в слове «остров». Можешь звать меня Сяо И.

— Хорошо, Сяо И. Ты ведь знаешь, зачем я пришёл? Я забираю тебя домой.

— Да, директор мне сказал.

Директор тут же вставил слово:

— Сяо И у нас загляденье: умный, послушный мальчик. Я так рад, что для него нашлась семья!

Цзян Мин подвёл Найюя ближе к себе и взял ручку, готовясь подписать бумаги. Но не успел он коснуться бумаги, как мальчик потянул его за рукав. Мин приостановился.

Подняв на него ясный взгляд, Сяо Найюй тихо спросил:

— Брат Мин, а ты знаешь, что у меня проблемы с сердцем?

Цзян Мин слегка нахмурился.

В документах об этом не было ни слова. Неужели разведка Фуши допустила такую оплошность?

Директор смущённо кашлянул, собираясь вмешаться, но Найюй опередил его:

— Сердце у меня болит без всякой причины. Иногда так сильно, что я падаю в обморок. Врачи ничего не находят, говорят, по анализам я здоров. Наверное, поэтому в бумагах ничего не

написали. Я и сам не знаю, сколько проживу. Ты хорошо подумай: заберёшь меня — наживёшь себе обузу.

Этот вопрос застал Цзян Мина врасплох, и ручка в его руке замерла.

Заметив замешательство, мальчик решил, что этот добрый брат поступит ровно так же, как и предыдущие кандидаты в опекуны, — откажется.

Он послушно разжал пальчики и опустил голову.

Грустно, конечно... но ничего, он потерпит. Ему нельзя плакать. Надо привыкать к тому, что за вспышкой надежды всегда следует острая горечь разочарования.

Но в следующее мгновение его ладонь снова оказалась в крепкой и тёплой руке. Цзян Мин бережно сжал его прохладные пальцы. Почувствовав это ласковое тепло, Найюй поднял глаза и увидел, что брат Мин улыбается ему — а в его взгляде светится искренняя сочувственная нежность.

— С чего ты взял, что ты обуза? — с улыбкой отозвался Мин. — Кое-кто ценит тебя больше собственной жизни, и если я вернусь без тебя, вот тогда у меня точно возникнут крупные неприятности. Болит сердце — пойдём к врачам, найдём самых лучших специалистов. Ты ещё совсем мал, впереди долгая жизнь, так что не смей унывать. Договорились?

Сяо Найюй хлопнул ресницами, и крупная слеза скатилась по щеке:

— Я буду очень послушным! Правда! Честное слово, не стану обузой!

— Глупенький, — с теплотой проговорил Мин и большим пальцем смахнул слезинку. — Можешь и баловаться, брат тебя в обиду не даст.

В душе Цзян Мина отозвалась глухая боль: он сам слишком хорошо знал, каково это — быть брошенным и одиноким. Именно это сострадание привязало его к мальчугану.

Успокоив ребёнка, Мин быстрым росчерком подписал оставшиеся бумаги и забрал из рук директора маленький чемоданчик.

Коротко попрощавшись, Мин повёл Сяо Найюя к выходу. Мальчик покорно семенил следом. Утерев слёзы, он немного шмыгнул носом и тихо спросил:

— Брат Мин... А тот «кое-кто», про которого ты говорил... это кто?

Цзян Мин обернулся и улыбнулся:

— Он велел молчать. Зови его пока Мистером Ф.

— Мистер Ф?

— Ага. Вот вырастешь — и узнаешь, кто он такой.

— Тогда я хочу вырасти как можно скорее!

Тот самый малыш, что только что плакал, утирая слёзы, теперь весь лучился жизнью и надеждой.

Цзян Мин вёл его по тенистому коридору к крыльцу, и яркие солнечные лучи щедро залили их фигуры.

Фу Яочжэн, затаившись в тени, смотрел, как его Сяо И — живой, сияющий — делает первые уверенные шаги навстречу будущему.

Слёзы одна за другой покатались из его глаз. Пальцы до белизны сжали металлическую ограду.

Как же ему хотелось броситься вперёд, сжать этот хрупкий силуэт в объятиях и молить о прощении, шепча слова любви!

Но в ушах неизменно звучал предсмертный шёпот Сяо Найюя:

"Тебе не за что меня жалеть... А мне не следовало встречать тебя"

Эта фраза железной стеной преградила ему путь.

В этой жизни он подарит Сяо Найюю самую светлую и безмятежную судьбу.

Даже если для этого Фу Яочжэну придётся вычеркнуть самого себя из его жизни.